

УДК 811.161.1

Вводные конструкции в лирическом тексте

Патроева Наталья Викторовна

Доктор филологических наук, профессор,
завкафедрой русского языка,

Петрозаводский государственный университет,
185910, Россия, Карелия, Петрозаводск, пр. Ленина, 33;
e-mail: nvpatr@list.ru

Аннотация

В статье анализируются семантика и функции вводных конструкций, а также направления процесса модалации и частотность субъективно-модальных элементов в русской поэтической речи от Ломоносова до Лермонтова. Отмечается интенсивный рост вводных синтагм во второй половине 18-го столетия, прежде всего в «низких» жанрах (прежде всего басне) и усиление активности субъективно-модальных компонентов в романтической лирике в связи с усилением элементов аналитизма в грамматическом строе русского языка и усилением личностного начала в литературном дискурсе.

Ключевые слова

Вводные конструкции, субъективная модальность, поэтическая речь, синтаксис и грамматика поэтического текста.

Введение

Синтаксическая категория вводности – результат длительного развития языка, который демонстрирует «явную тенденцию к модально-прагматическому усложнению языкового

знака, такого, как высказывание, тенденцию к обогащению содержащейся в нем семантико-прагматической информации»¹. Первые случаи упо-

1 Припадчев А.А. Особенности употребления глагольных форм в простых, осложненных и сложных предложениях // Материалы по русско-

Таблица № 1. Количество и частотность вводных конструкций в стихотворных текстах второй половины XVIII – середины XIX в.

Автор	Количество вводных единиц	Среднее (на 100 строк текста) количество вводных конструкций
М. В. Ломоносов	20	0,26
Г. Р. Державин	47	0,47
Н. М. Карамзин	42	0,26
И. И. Дмитриев	213	2,25
В. А. Жуковский	142	1,05
К. Н. Батюшков	61	1,15
А. С. Пушкин	270	1,39
Е. А. Баратынский	74	1,38
П. А. Вяземский	73	1,1
А. А. Дельвиг	57	1,04
Н. М. Языков	122	0,99
М. Ю. Лермонтов	135	1,42

требления вводных конструкций обнаружены исследователями в древнерусских источниках, датированных не ранее XV в.² Основное число примеров в памятниках русского языка донационального периода приходится на XVII–XVIII вв.³ «На протяжении XVIII века, – пишет В. А. Ицкович, – расширяется круг семантических разрядов вводных слов и предложений, увеличивается количество вводных слов и пред-

ложений, и к концу века наблюдается большинство разрядов, функционирующих в современном языке»⁴.

По нашим данным (см. таблицу), к концу XVIII – началу XIX в. частотность вводных единиц резко возрастает, достигая максимальных показателей в произведениях И. Крылова и И. Дмитриева (поскольку значительную долю поэтического наследия этих авторов составляют басни, вполне очевидным представляется вывод о том, что именно через «низкие» жанры вводные слова проникали в книжно-письменный язык, расширяя затем сферу своего функционирования в «средних», по классицистической иерархии, стилях элегии, послания и др.)

славянскому языкознанию. – Воронеж, 1981. – С. 178.

- 2 Греч Н.И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1827. – 587 с.
- 3 Куликова В.П. Конструкции с краткими страдательными причастиями в русском литературном языке первой половины XIX в. // Лексико-грамматические исследования по русскому языку: Межвуз. темат. сб. – Калинин: КГУ, 1977. – С. 123-133.

4 Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. – М.: Наука, 1982. – С. 22.

и поэтов-романтиков школы Жуковского и Батюшкова, в эпоху дальнейшего углубления индивидуально-авторского начала, формирования лирики как нового для русской литературы, самого «субъективного» рода, выразившего мировосприятие новой личности.

Прежде всего рост употребительности вводных единиц на рубеже столетий обусловлен общей тенденцией к усилению элементов аналитизма в русском синтаксисе, все более ярко и отчетливо проявляющей себя в процессе сжатия, опрощения и расчленения конструкций, в ослаблении связности компонентов внутри предложения, в разрушении линейного подчинительного ряда словоформ. В эпоху, когда развитие гипотаксического строя достигло своего апогея, активизируется использование вводных, вставных, сегментированных, присоединительных конструкций, не связанных ни подчинительными ни сочинительными отношениями с основной частью высказывания. Проявление подобных аналитических особенностей в синтаксической системе книжно-письменного литературного языка было вызвано, с одной стороны, воздействием разговорной стихии, с обычными для нее перебивками спонтанного речевого потока, с другой стороны – влиянием

западноевропейских языков (главным образом французского).

Еще один фактор, детерминирующий активизацию субъективно-модальных конструкций, – указанная выше тенденция к модально-прагматическому усложнению высказывания, к «обогащению содержащейся в нем семантико-прагматической информации»⁵, которая своим источником имеет усиление и усложнение личностного, субъективного компонента в процессе развития человеческого сознания, психики носителей языка, обозначавшейся впервые столь отчетливо в Новое время отказом индивида от власти традиционного, родового и государственного начала, от общепринятых суждений, стереотипов, осознание собственной свободы и неповторимости, исключительности на фоне «чужого» я.

Морфолого-генетическая характеристика вводных слов и сочетаний

Вводные компоненты, как отмечает А. И. Аникин, создаются на

5 Припадчев А.А. Особенности употребления глагольных форм в простых, осложненных и сложных предложениях // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1981. – С. 178.

базе довольно устойчивого лексически ограниченного круга слов, «семантика которых ... при больших или меньших изменениях ее включается в систему значений, выражаемых вводными конструкциями»⁶. В анализируемых стихотворных текстах функционируют три основные группы вводных слов с точки зрения их происхождения (т. е. соотносительности с теми частями речи, которые были вовлечены в процесс модалации):

1) представляющие собой различные формы имени существительного с предлогом и без предлога: *без сомнения* (Дм., 198; Б., 122), *право* (Дм., 109, 111, 115, 176, 186, 195, 212, 243, 291, 310, 349, 377; К., 124, 145, 180, 180, 184, 196, 259, 259; Ж., 72, 197, 247, 250, 388; Бат., 71, 71; В., 47, 50, 129; П., 32, 40, 68, 96, 125, 145, 185, 258, 283, 309, 332, 371, 412, 480, 492; Д., 168; Б., 111, 125; Я., 63, 71, 105, 116, 119, 163, 185, 280, 352; Л., I, 133, 134, 275; П., 47, 56, 63), *словом* (Лом., 207; Дм., 177, 180, 311, 377; Дер., 27, 36, 59, 162, 237, 249, 263, 271, 286; Ж., 71, 227, 240, 241; Бат., 192, 203, 70; В., 96; П., 404; Д., 208; Я., 84, 119), *благо* (Дер., 281; К., 284; Ж., 388; П., 481; Я.,

206; Б., 127), *не правда ли (ль)* (П., 308, 321; Я., 296, 301, 312; Л., II, 54), *по крайности* (В., 43), *по несчастью* (К., 143; в., 194), *по счастью* (П., 171, 266; Б., 209), *к счастью* (Дм., 114, 199, 207; Ж., 196; Бат., 181, 234), *к несчастью* (Дм., 260; К., 296; Бат., 67; П., 334), *на беду* (Ж., 66, 234, 250), *по чести* (Дм., 134, 148, 173, 174, 182, 186; Ж., 250; Бат., 248), *по совести* (Ж., 136);

2) более многочисленная группа вводных слов *наречного* происхождения: *лучше* (Лом., 276; Дм., 169; В., 93), *не лучше ли* (Дм., 385), *вправду* (Дм., 159), *известно* (Дм., 163; Ж., 291; Я., 81; Л., I, 176), *короче* (Дм., 160, 170, 179, 188, 338, 385; Ж., 68, 327; Я., 82), *жаль* (Л., II, 19), *точно* (Л., II, 57), *вероятно* (П., 443, 521), *видно* (Дм., 102, 196, 197, 223, 264, 313, 381; Ж., 241, 254, 298; Л., 41, 72; П., 36, 72, 95, 285, 330, 475, 513, 513, 517, 519, 548; Д., 161, 185, 200; Я., 84; Л., I, 50, 51, 209; П., 56), *верно* (Дм., 109, 160, 174, 187, 198, 266, 309, 310, 374, 375; К., 109, 165, 210; Бат., 144; Ж., 115, 230, 231, 287, 296, 296; П., 175, 265, 549; Д., 131, 180, 182; Б., 209; Я., 103, 153, 155, 156, 188, 189, 284; Л., I, 90, 108, 147, 163, 237, 266; П., 62), *просто* (В., 49), *попросту* (К., 56), *наконец* (Дм., 105, 111, 160, 168, 169, 336; К., 61; Дер., 238; Ж., 235, 284; Бат., 187; В., 97; Л.,

⁶ Аникин А.И. Вставные конструкции как компонент предложения // Учен. зап. МОПИ. Т. 197. – М., 1967. – С. 256.

I, 106), *напротив* (В., 98, 109; Ж., 66; Л., I, 217), *наоборот* (Б., 217), *кстати* (Дм., 108; Ж., 225, 226; П., 109, 578; В., 123; Б., 157), *наверно(е)* (Дм., 386, Ж., 229, В., 175; Л., I, 220), *истинно* (Дм., 178), *примерно* (Б., 98), *учтивее* (Дм., 308), *подлинно* (Дер., 238), *ясней* (Ж., 114), *несомненно* (Б., 120);

3) *отглагольные* вводные слова:

а) соотносительные с личными формами глагола: *скажу* (Л., I, 82), *стыжусь* (П., 63), *надеюсь* (К., 88), *представьте* (Дм., 184), *заметьте* (Ж., 238), *уверяю* (Л., I, 238), *подумайте* (Ж., 62), *видите ль* (П., 584), *слушай* (Б., 111), *послушай(те)* (Ж., 282, П., 100, 148; Б., 55, Л., I, 257), *думаю* (Дм., 166), *не спорю* (Дм., 239, Я., 341), *мышлю* (Лом., 71), *положим* (Л., I, 99), *знаешь* (П., 362, 453), *говорят* (Дм., 142, 223, 334; Ж., 115, Д., 110, 124; Я., 119; П., 265, 311, 444, 578; Л., I, 178; П., 9, 54, 63) *поверите ль* (Дм., 180, Бат., 142), *поверишь ли* (Бат., 177), *(по)верь(те)* (Лом., 261; Ж., 227; П., 145, 175, 211, 285, 351; В., 50, 64, 65, 109; Б., 74, 108, 132, 167; Д., 130; Я., 155, 237; Л., I, 92, 242, 242, 244), *помилуй(те)* (П., 175, 258);

б) инфинитивные по происхождению: *знать* (Дер., 27, 76, 191, 112, 214; Дм., 128, 167, 199, 286, 379, 382; Бат., 205; Ж., 65, 65, 171, 248, 280,

302; Д., 144, 175; В., 69, 181; Я., 159, 159, 337, 414; П., 99, 451; Б., 153), *признаться* (Дм., 104, 179, 183, 341; Бат., 178, 131; Ж., 325, 326, 382; П., 92, 330; Я., 80; Л., I, 81; П., 101), *сказать* (Ж., 283);

в) соотносительные с глаголами в безличном употреблении: *бывало* (Дер., 22, 22, 22, 22, 23, 74, 74, 74, 169, 269; Ж., 177, 230, 268, 283, 367; П., 51, 103, 105, 148, 165, 171, 171, 171, 185, 285, 295, 311, 366, 396, 425, 429, 431, 469, 481, 488, 513, 518, 541; В., 184, 217; Дм., 109, 114, 118, 130, 139, 139, 178, 202, 220, 252, 291, 295, 327, 332, 379, 379; Д., 87, 153, 154, 180, 181, 200, 209; Я., 89, 94, 100, 124, 188, 197, 213, 215, 216, 222, 222, 269, 349, 378, 381, 390, 396; Б., 139, 146, 158, 162, 171, 177; Л., I, 102, 183, 210, 244, 244, 247; П., 28, 59) *мнится/мнилось(-ося)* (Дер., 288; Ж., 76, 83, 99, 112, 130, 154, 176, 189, 194, 236, 264, 264, 289, 362; Бат., 210; П., 26, 129, 340, 366, 504, 564, 565; Д., 219; Я., 172; Б., 76, 69, 72, 86; Л., I, 164, 166, 218, 249), *кажется/казалось(-ся)* (Лом., 232; Дм., 101, 162, 200, 226, 302, 311; К., 6, 184, П., 19, 26, 67, 121, 155, 256, 332, 339, 353, 417, 419, 529, 565, 573; Бат., 217, 170, 175, 175, 196, 164, 79, 74; Ж., 200, 200, 308, 385; Д., 88, 146, 149; Я., 143, 228; В., 125; Б., 62, 150, 213; Л., I, 143,

144, 155, 241), *помнится* (Дм., 227, Ж., 226, П., 19, 114, 360), *случается/случалось* (Дер., 274; Л., I, 136).

Гораздо реже используются вводные единицы, соотносительные с действительными словами (*никак* (Дм., 349; Ж., 63; Лом., 64, 71, 79; Б., 107, 127), *по-нашему* (П., 265), *по мне* (Лом., 161; Дм., 101, 203; П., 106; В., 39, 154), *по тебе* (Ж., 115), *меж тем* (Ж., 352; Л., II, 71), *между тем* (Ж., 282, 297), *между прочим* (П., 145), *напротив того* (Дер., 101; Дм., 374), *к тому ж(е)* (Дм., 113, 115, 180; Ж., 229, 253, 279, 353; П., 285; В., 70, 155; Б., 133)), союзами (*однако(ж)* (Лом., 189, 258, 276; Дм., 103; Дер., 253, 271; Ж., 382, 382; П., 371, 405; Я., 182; Б., 211; Л., I, 105).

Кроме того, вводные компоненты выражаются словами, уже потерявшими⁷ связь с теми частями речи, из которых когда-то образовались, и употребляющимися уже только как персуазивные синтагмы: *конечно* (Лом., 190, 268; Дер., 52, 54, 84, 103; Дм., 92, 100, 107, 118, 147, 148, 165, 174, 202, 203, 225, 226, 239, 269, 309, 323, 340, 343, 349, 361; К., 88, 136, 172, 231, 249,

283; Бат., 103, 133, 133; Ж., 64, 67, 248; П., 95, 95, 101, 106, 110, 164, 221, 260, 276, 285, 293, 333, 404, 444, 446, 448, 461, 594; В., 40, 52; Я., 130, 182, 283; Б., 210, 211; Л., I, 107, 111, 231, 272; П., 56), *итак* (Лом., 227, 233, 277; Дер., 158; Дм., 97, 125, 154, 172, 177, 178, 181, 184, 184, 185, 226, 267, 339, 349, 353, 362, 373; К., 81, 138, 185, 195, 196, 218, 223, 235; Ж., 68, 114, 197, 225, 228, 247, 254, 258, 303, 327, 356; Бат., 135, 138, 141, 168, 186; В., 45; П., 86, 88, 98, 98, 108, 124, 166, 170, 186, 206, 311, 315, 330, 373, 420; Я., 57, 60, 105, 105, 105, 106, 131, 181, 182, 239, 258, 275, 278, 283, 290, 372; Б., 66, 120; Л., I, 82, 148, 187, 238, 252), *например* (Дер., 287; Дм., 98, 113, 115, 126, 200, 268, 315, 349; Ж., 114; В., 206; П., 285, 444; Л., II, 46), *следственно* (Дм., 148; К., 288; Бат., 102; П., 303), *впрочем* (Дм., 104, 180; П., 239, 266, 371, 404, 416, 422; В., 89; Я., 178, 206, 283; Л., I, 246), *во-первых* (Дм., 103; Ж., 382; П., 282, 351, 589; Л., I, 246; П., 44), *во-вторых* (Ж., 382; П., 351; Л., I, 246).

Вводные сочетания слов в процессе многократного использования в различных функциональных сферах литературного языка постепенно превращались в воспроизводимые в готовом виде клише, устойчивые по составу синтагмы, например: *нет сомнения* (П.,

⁷ Правда, к началу XIX в. эта связь с производящими еще не окончательно была утрачена, что сказывалось на орфографическом облике вводных слов: *и так, в прочем, на пример*.

161, 389; Б., 155), *слова нет* (П., 405), *бог весть* (Б., 84), *в самом деле* (Дм., 266; П., 427), *как видно* (П., 179), *как знать* (Дм., 123, 226; П., 10, 69; В., 162; Я., 274; Л., I, 119, 148, 220, 247, 252).

Вводные сочетания по грамматической характеристике «стержневого» слова могут быть разделены на две группы:

1) *именные*: *к ее несчастью* (Д., 201), *к моей напасти* (Ж., 144), *к моему горю* (Бат., 242), *на беду его* (В., 55), *по крайней мере* (Дм., 105, 278; П., 139, 161; Л., I, 140, 267), *одним словом* (Дм., 166), *к моим слезам* (Дм., 286), *к моей печали* (Дм., 292), *к ее стыду* (Дм., 381), *по мнению Клиты* (П., 17), *по мненью моему* (П., 365), *по мненью твоему* (Ж., 247), *по твоим словам* (Б., 203), *на свою беду* (Л., I, 135);

2) *глагольные*: *статься может/может статься* (Дм., 104, 111, 155, 226, 350, 353; В., 73, 248; Б., 49, 95; Л., I, 157), *быть может/может быть* (К., 88, 125, 125, 250, 259, 283; Дм., 98, 98, 104, 123, 123, 137, 144, 147, 154, 257, 287, 307, 340, 355, 360; Дер., 35, 35, 147, 286; Бат., 108, 197, 212, 177, 122; Ж., 31, 32, 49, 194, 44, 86, 87, 102, 163, 172, 246, 246, 249, 279, 283, 326, 355, 356; П., 10, 18, 32, 51, 57, 57, 57, 69, 69, 124, 140, 143, 156, 158, 159, 163, 163, 179, 234, 242, 246,

249, 279, 307, 336, 344, 347, 355, 365, 365, 365, 365, 368, 378, 384, 402, 426, 454, 472, 477, 512, 515; В., 40, 43, 55, 55, 57, 60, 61, 61, 77, 78, 81, 100, 100, 110, 121, 162, 167, 186; Д., 114, 82, 147, 118, 189; Я., 55, 56, 123, 189, 190, 145, 145, 81, 176, 69, 204, 242, 301, 358, 398, 402; Б., 66, 68, 95, 102, 108, 128, 130, 132, 198, 213, 216; Л., I, 75, 91, 110, 110, 113, 117, 119, 121, 143, 148, 150, 151, 160, 161, 165, 174, 179, 181, 181, 183, 197, 200, 212, 220, 220, 231, 245, 247, 247, 248, 253, 254, 255, 256, 257, 257, 261; П., 44, 54, 65, 75), *и то сказать* (Я., 252, 262, 340; Л., I, 135), *так сказать* (Дм., 144; В., 181; П., 413, 413, 414, 414, 414, 414; Я., 362), *попросту сказать* (В., 69), *сказать по правде* (Л., II, 63), *ничего сказать* (П., 32), *поистине сказать* (В., 175), *ясней сказать* (Дм., 278), *например сказать* (К., 283), *по совести признаться* (Дм., 213), *извольте знать* (Дм., 178), *сказать без многих слов* (Дм., 216).

Продуктивные в современном русском языке вводные единицы с *говоря* (*прямо говоря, вообще говоря* и т. д.) в источниках середины XVIII – первой половины XIX в. не отмечены: в этот период часто используются вводные синтагмы с инфинитивом глагола речи *сказать* или *признаться*. С течением времени «стержневой»

компонент вводного сочетания может элиминироваться, так что появляются «усеченные» варианты: *яснее сказать* → *яснее, словом сказать* → *словом, по чести сказать* → *по чести* и т. п.

Грамматическая характеристика слов, подвергающихся модалации, указывает основной путь формирования вводных компонентов – из главных частей сложноподчиненных предложений с придаточной изъяснительной, несущей основную смысловую нагрузку («путем поглощения главного предложения придаточным»⁸). Как отмечает Н. С. Поспелов, «в литературном языке XIX в. постепенно ограничиваются возможности построения изъяснительных конструкций на основе безлично-предикативных слов модального значения... закреплявшихся в позиции вводных слов»⁹.

Другие вводные компоненты развились из обстоятельств с модально-оценочным значением, утративших подчинительную связь со сказуемым (*наконец, точно, наверное, без сомнения* и др.).

8 Галкина-Федорук Е.М. Обращение как семантико-стилистическое средство выразительности в стихах С. Есенина // Проблемы современной филологии: Сб. ст. – М., 1965. – С. 551.

9 Поспелов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений А. С. Пушкина. – М., 1960. – С. 71.

Еще один путь формирования вводных конструкций, практически не описанный в научной литературе, – из придаточных частей сложноподчиненных предложений (ср.: *если правду говорить* (К., 259) и *правду сказать*).

Лексический состав вводных компонентов, проникавших в поэтическую речь из устной разговорной, в середине XVIII в. еще беден, но уже в пушкинскую эпоху границы категории вводности существенно расширяются за счет притока новых слов и выражений (*бывало, видно, верно, право, говорят, кажется, признаться, правда, впрочем, может, наверно, например, наоборот, напротив, к счастью, к несчастью, во-первых, помнится и др*). С другой стороны, архаизирующиеся и выходящие из широкого употребления вводные слова в стихотворных текстах конца XVIII – первой половины XIX в. встречаются спорадически или не используются совсем (*чаю, первое, второе, истинно, подлинно, следовательно, по счастью, по несчастью* и др.). Постепенно расширяют сферу своего функционирования вводные компоненты, восходящие к глаголам-предикатам пропозициональной установки, ментальных состояний (*думаю, надеюсь, знаешь, представьте, поверь* и т. п.). К активно используемым

в различных стихотворных жанрах относятся *быть может, итак, конечно, словом, бывало, право, мнится, кажется, говорят, видно, верно, знать.*

Семантика вводных слов и сочетаний слов

Вводные компоненты выражают сравнительно узкий и довольно устойчивый круг закрепившихся за ними значений. «Эти значения как бы накладываются на содержание основного состава предложения в целом или одного из членов предложения»¹⁰, образуя дополнительный, субъективно-модальный план высказывания. Наличие в предложении вводно-модального показателя свидетельствует о коммуникативном намерении субъекта речи (говорящего, пишущего) «эксплицитировать соответствующую модель восприятия, задает своего рода «эпистемическую перспективу» высказывания»¹¹.

Функционально-семантический спектр вводных слов и сочетаний слов в поэтической речи достаточно широк

10 Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка: В 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. – Киев: Рад. шк., 1952. – С. 242.

11 Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против». – М., 1975. – С. 193-230.

и включает практически все возможные оттенки значений вводных единиц.

1. Конструкции, выражающие различную степень достоверности сообщения (уверенность, неуверенность, возможность, предположение и т. п.), составляют от 40 до 60 % всех вводных компонентов в стихотворных текстах (см. табл. 50): *без сомненья, бог весть, может вправду, верно, видно, знать, в самом деле, право, кажется, казалось, казалось, конечно, мнится, может быть, может стать, наверно, не правда ль*¹², *несомненно, никак, правда, скажу, надеюсь, думаю, не спорю, истинно, подлинно, помнится, чать, мышлю, пожалуй, вероятно, точно, положим, как знать, слова нет, нет сомненья.*

Эти вводные компоненты – «верификаторы», устанавливающие соответствие сказанного действительному положению дел при условии отсутствия у субъекта речи полной информации о ее предмете, реже – независимо от наличия/отсутствия у говорящего (пишущего) исчерпывающих сведений о сообщаемом факте. В рамках данного разряда могут быть выделены

12 Вводные слова *не правда ль, право* могут быть отнесены в равной мере и к разряду компонентов, служащих для привлечения внимания собеседника.

два микрополя: *вероятности* (количественная оценка имеющихся у субъекта знаний о ситуации модальными словами типа *видимо, пожалуй, наверное* и т. п.) и *истинности* (выражение субъективного мнения, уверенности по поводу истинности либо проблематичности высказываемой вводными единицами *кажется, правда, верно, конечно, несомненно* и др.)¹³.

2. Вводные слова и сочетания слов, выражающие логические связи и отношения («относительный сегмент» вводности, по Я. Г. Биренбауму¹⁴) между частями высказывания (выделение или противопоставление частей предложения, указание на связь мыслей, последовательность их изложения, выполнение обобщающей, резюмирующей функции, расстановка смысловых акцентов, определение отношения данного предложения к более широкому контексту и др.), не столь активно используются в поэзии: *например, во-первых, во-вторых, следственно, меж тем, впрочем, итак, к тому ж, кстати, наоборот, однако (же), примерно, сло-*

13 Подробнее о семантике этой группы вводных слов и связанных с ними типах информации см: (496, 159-162; 578, 199-276; 380, 276-320).

14 Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. – Челябинск, 1976. – С. 33.

вом, одним словом. В. В. Виноградов характеризует вводные слова «кстати» и «к тому ж» как «выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации»¹⁵.

3. Вводные слова, «свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению»¹⁶, убедить в чем-либо («адресатный сегмент» вводности, по Я. Г. Биренбауму¹⁷): *(по)верь(те), видишь, заметьте, поверь, право, признайтесь, признаться, признаюсь, послушай(те), видите ли, подумайте, узнайте.* Исследователи указывают на функциональное сходство контактоустанавливающих вводных компонентов с обращениями¹⁸.

15 Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие. 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – С. 606.

16 Там же.

17 Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. – Челябинск, 1976. – С. 34.

18 Зубова Л.В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма // Историческая стилистика русского языка: Сб. науч. тр. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. – С. 126.

По наблюдениям Р. А. Каримовой, группа вводных единиц, выражающих различные виды коммуникативного контакта говорящего с адресатом, являлась в русском литературном языке начала XIX в. малоупотребительной¹⁹. По нашим данным, этот разряд занимает третье место по частотности использования в лирическом тексте.

4. Достаточно редко в анализируемых источниках используются вводные слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего к содержанию высказывания («эмоциональный сегмент», по Я. Г. Биренбауму²⁰), *к сожаленью, по счастью, по несчастью, к счастью, к несчастью, жаль, благо, на беду, к ее несчастью, к моему горю, к моим слезам, к моей печали, к моей напасти*.

5. Вводные слова, свидетельствующие о повторяемости, обычности излагаемых фактов: *бывало, случается (случалось)*.

6. Вводные элементы, указывающие на источник сообщения извест-

ный и неопределенный, оценивающие достоверность ситуации путем ссылки на «чужую» точку зрения: *по мнению... , по мне, по-нашему, по мнению моему, по мнению твоему, по твоим словам, говорят, известно* («адресантный сегмент», по Я. Г. Биренбауму²¹).

7. Вводные слова и сочетания, характеризующие манеру высказывания, способ оформления мыслей: *лучше, ясней, короче, попросту, учтивее, по совести, по чести, так сказать, попросту говоря, сказать по правде, поистине сказать, по совести признаться*.

8. Единичны примеры использования компонентов, выражающих градационно-количественные оценки: *по крайней мере*.

Субъективно-оценочные функции вводных синтагм предопределяют включение в процесс модализации слов со значением восприятия, мысли, речи, интеллектуальных и эмоционально-волевых реакций и состояний, квалификации и релятивности, лексем, лишенных конкретно-предметной семантики.

Итак, установка на адресанта, свойственная лирике как самому «субъективному» литературному роду,

19 Каримова Р.А. Вводные слова и вводные сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII – начала XIX в. // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 125. – Казань, 1965. – С. 137.

20 Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. – Челябинск, 1976. – С. 34-35 .

21 Там же. С. 34.

требует активного привлечения языковых средств, ориентированных на говорящего и другие элементы речевой ситуации, в том числе вводных единиц, выражающих субъективно-модальные и эмоционально-оценочные квалификации, выполняющих контактоустанавливающую функцию.

Структурно-смысловая соотносительность вводных слов (сочетаний слов) и вводных предложений

Достигшее в XVIII ст. апогея становление иерархически упорядоченной модели предложения к сделало его более проницаемым для различного рода парантез, вводящих второй семантический, субъективно-модальный, план высказывания. Как правило, вводные предложения очень кратки, «экономичны»: их «предикативное ядро» исключительно редко распространено одним-двумя зависимыми словами. Произносятся вводные предложения более низким тоном и более быстрым темпом, чем основная часть высказывания.

По структуре вводные предложения соотносятся с конструкциями:

1) двусоставными (полными и неполными): *ты думаешь* (Дм., 192),

ты видишь (Дм., 274), *я мню* (Дер., 275), *я чаю* (Дм., 186), *я чай* (Д., 209), *я признаюсь* (П., 368), *я знаю* (В., 48; Б., 163; Я., 153, 210, 368), *я надеюсь* (Я., 176), *ты знаешь* (П., 293; Я., 241; Л., I, 271), *в том клясться рад* (П., 68), *вы мыслите* (Дм., 183), *я скажу* (Л., II, 44), *мне сказывал мой дед* (Бат., 102), *вы помните* (Бат., 140), *верю я* (Б., 113), *верь ты мне* (Л., I, 87);

2) односоставными (полными и неполными): *верьте мне* (Б., 208), *всем кажется* (Д., 140), *мне кажется/мне казалось* (Дм., 230, 311, 338, 377; П., 160, 450; Ж., 247; Д., 200; Я., 206; В., 145), *нам мнилось* (Ж., 362), *мнится мне* (Дер., 54; Д., 178), *смею вам признаться* (Я., 182), *знаешь сам* (П., 294), *позволите ль сказать* (Я., 104), *с грустью признаюсь* (В., 71), *(по)верь(те) мне* (В., 81; Дм., 199, 239; П., 147, 283, 374; Л., II, 45, 46), *признаться вам* (Дм., 168, 180), *короче вам* (Дм., 191; П., 304), *страшусь сказать* (П., 11), *сознаться в том* (П., 416), *скажу меж нами* (П., 423), *молвить без обиды* (П., 512), *сказать вам откровенно* (П., 521), *нам обещают* (Ж., 266), *признаюсь вам* (Ж., 240, 241), *мне помнится* (Ж., 279), *прошу сказать* (Ж., 62), *я слышал* (Б., 106).

В структуру некоторых вводных синтагм входит союз: *сколь я*

могу припомнить ныне (Дм., 204), *как водится* (Дм., 198, 229), *как знаем* (Лом., 673), *как бывало* (В., 45; Я., 372, 381), *как слышно* (Я., 139), *как выше мы сказали* (Я., 210), *как говорят* (Дм., 169), *как вам известно* (Л., II, 19), *если правду говорить* (К., 259), *если верить Моисею* (П., 293), *знаю сам* (Б., 106).

Вводные предложения в поэтическом дискурсе служат, главным образом, для выражения степени достоверности сообщения и для привлечения внимания собеседника к содержанию высказывания, гораздо реже – для ссылки на источник информации, выделения логических внутритекстовых связей и указания на обычность, повторяемость событий. Функционально-семантический спектр вводных предложений оказывается менее разнообразным и широким, чем смысловая палитра вводных слов.

Экспрессивно-стилистические функции вводных конструкций

Период конца XVIII – первой трети XIX в. явился важным этапом в развитии категории вводности: все функционально-семантические груп-

пы вводных компонентов в основном сложились, заметно активизировался процесс их количественного роста. Активизация субъективно-модальных конструкций отразила важные качественные перемены во внутреннем мире нового человека и художественном самосознании эпохи. Углубление индивидуально-авторского начала обусловило формирование лирики как самого «субъективного» литературного рода, а также потребовало изменений слога художественных произведений, усложнения языкового знака в семантическом и коммуникативном отношении, поскольку лирика требует «интимной» референции²², т. е. личной оценки диктального плана высказывания.

Именно у сентименталистов и романтиков впервые предмет изображается в изменчивых субъективных посприятиях, что детерминирует использования речевых форм, отражающих парадоксальность, конфликтность, «полифонизм» (в терминологии М. Бахтина) художественного сознания, выражающих разнообразие индивидуальных эмоций и оценок.

²² Савина В.М. К вопросу об употреблении видов деепричастия и глагола в осложненных предложениях // Вопросы высшей педагогической школы: Сб. ст. – Улан-Удэ, 1973. – С. 206.

Именно представители «нового слога» насыщают литературный текст интонациями и конструкциями живой, разговорной речи, культивируют и разнообразят способы введения в него «чужого» слова. На закате классицистической эпохи (в частности, у Державина) впервые ясно обозначается кризис идеи «абсолютного» автора, стремившегося представить явление таким, каким бы его увидел каждый, везде и всегда – предмет абстрактный, предмет «вообще»²³. Видение автора (или персо-нажа) – это одновременно для писателя-классициста восприятие всеобщее. При этом индивидуализация изображения еще довольно условна, схематична. И только к XIX в. настоятельно осознается потребность увидеть мир глазами «другого» (героя, потенциального читателя), выбирать различные «точки зрения», возможные ракурсы восприятия.

Лирика, достигающая расцвета в эпоху романтизма, представляет собой особую форму коммуникации, «некое речевое событие, имеющее

23 «Суть этой системы, – отмечает Л. Гинзбург, – в том, что предрешенным был всякий раз самый тип авторского сознания, с системой его ценностей, следовательно, и авторский образ» (Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. – Л.: Сов. писатель, 1974. – С. 25).

превращенный (фиктивный, имитационный) характер»²⁴, предопределяет появление многих особенностей, роднящих лирический дискурс с разговорной и внутренней речью²⁵. Отсюда – высокий удельный вес «эгоцентрических слов»²⁶, форм, конструкций, вовлекающих в структуру текста не только субъекта, но и адресата (внутреннего – героя, внешнего – читателя) стихотворения, адресующих, интимизирующих и диалогизирующих поэтическое сообщение.

Не случайно вводные компоненты впервые активно начинают использоваться в жанрах «низких» (баснях, сатирах, эпиграммах), отражающих особенности живой устной речи и часто включающих «чужое» слово, наряду с авторским (или внутреннего субъекта) «голосом»:

Судите ж, сколько тут хороших
есть стишков!

К тому ж, и в правилах...

24 Мизин О.А. О грамматической природе обращения (некоторые вопросы синтагматики и прагматики) // Филологический сборник. Вып. 2. – Алма-Ата, 1973. – С. 163.

25 Мецлер А.А. Структурные связи в тексте: (Парантезные конструкции). – Кисинев, 1987. – 141 с.

26 Термин Б. Рассела, относящийся к дейктическим средствам языка (380, 200).

Словом: все ему блаженства
И таланты подаря,
Все влияли совершенства,
Составляючи царя... (Дер., 27)
...Ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных
дел... (Дер., 84)
Поставлен, *мнится мне*, в
почтенной
Средине естества я... (Дер., 54)

Сентименталисты и романтики, культивировавшие прежде всего «средние» жанры, широко используют вводные конструкции в дружеских посланиях, элегиях, балладах, а также «низких» баснях и эпиграммах. Большая часть модальных слов по своей окраске принадлежат нейтральному или разговорному пластам:

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
(П., 513)
Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель есть! (Ж., 63)²⁸
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно (П., 410)

28 Интересно, что Ломоносов употребляет *никак* в одах неоднократно, и это, очевидно, говорит о том, что «сниженная» окраска у этого модального слова появилась не сразу: *Никак* вам это в правду снится... (Лом., 79)
Никак Смиритель стран Казанских?
(Лом., 64)
Никак, ярится Антей злой (Лом., 71)

Вводно-модальные слова со значением предположения, возможности становятся неотъемлемой приметой любовной, пейзажной, медитативной элегии. Так, В. К. Кюхельбекер, выступивший с критикой «засилья» унылой элегии в русской поэзии 20-х гг. прошлого столетия, заметил с иронией: «У нас все *мечта* и *призрак*, все *мнится* и *кажется*, и *чудится*, все только *будто бы*, *как бы*, *нечто*, *что-то...*»²⁹.

Только небольшая часть «верифицируемых» персуазивными компонентами пропозиций принадлежит к ситуациям чувственного восприятия (лирический субъект находится в контакте с описываемым) или воспоминания (ретроспективное изображение) (1). Чаще всего представляемый предмет не может быть воспринят эмпирически органами чувств (поскольку не относится к миру конкретных явлений), либо ситуация изображается как только предполагаемая, относится к плану «провиденциального» будущего, или же вводно-модальное слово участвует в установлении гипотетической причинно-следственной связи между двумя событиями (2):

29 Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979. – С. 3-16.

(1) Всё дышит радостью и,
мнится, с кем-то ждет
 Обетованного свиданья!

.....
 Часы крылатые мелькают;
 Но радости принести они не
 могут мне
 И, *мнится*, мимо пролетают.
 (Б., 72)

С каким волнение внимал я с
 юных дней
 Бессмертным повестям
 Плутарха, Фукидида!
 Я персов поражал с дружиной
 Леонида;
 С отцом Виргинии отмщением
 пылал,
Казалось, грудь мою пронзил
 его кинжал... (Б., 62)

И, *мнится*, поцелуй сквозь
 тонкий сон манят
 Её уста полуоткрыты (Б., 69)
Казалось, любовь в своем
 пристрастье
 Мне счастье дала до полноты...
 (Б., 213)

(2) ...моим стихом Харита
 молодая,
Быть может, выразит любовь
 свою к тебе! (Б., 132)
 Ты, *может быть*, была
 любима мною (Б., 101)
 Еще полна, друг милый мой,

Пред нами чаша жизни
 сладкой;
 Но смерть, *быть может*, сей
 же час
 Её с насмешкой опрокинет...
 (Б., 68)

Когда б тогда вы мне предстали,
Быть может, грустный мой
 удел
 Вы облегчили б <...> (Б., 128)
 Там, *быть может*, в горном
 клире,
 Звучен будет голос твой! (Б., 198)
 Когда б ты был не пес, а человек,
 Ты б окошел, *быть может*,
 сенатором! (Б., 213)

Вводные компоненты, выражающие, актуализирующие логические связи между частями предложения и текста, используются в поэтическом дискурсе достаточно часто, особенно лексемы *итак* и *словом*, выполняющие обобщающую функцию. Интересно, однако, что в стихотворном произведении *итак* может открывать текст, который в этом случае напоминает ответную реплику – продолжение сказанного ранее:

Итак – мне новая награда
 От музыки доблестной твоей...
 (Я., 278)

Итак, мой друг, увидимся мы
 вновь

В Москве, всегда священной
нам и милой! (В., 45)

«Логический сегмент» вводности, более характерный для научного стиля, может участвовать в создании иронического, пародийного контекста как «инородное тело» – иностилевой элемент:

...Сии листы
Хранят, как выше мы сказали,
Мои давнишние мечты...
(Я., 210)

Как средство авторизации высказывания могут выступать вводные конструкции, отсылающие читателя к «чужому» опыту, перелагающие на «другого» (известное лицо или неопределенно широкий круг субъектов восприятия) функцию «верификации» сообщения:

По мненью твоему, туман
(Ж., 247)

Лениться, говорят, беда...
(Д., 124)

Мера простая сия всё портит,
по мнению Клита... (П., 17)

Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом
(П., 293)

Вводно-контактные слова являются средством вовлечения адресата (внутреннего и внешнего) в систему поэтического дискурса, диалогизиру-

ют лирический монолог или включаются в прямую речь героев:

...а та, *извольте знать*,
Чудесной силою неведомой
науки

Творила на Руси неслыханные
штуки!.. (Дм., 178)

А я, *признаться вам*, игрушкой
играю... (Дм., 168)

Однако ж, *смею вам*
признаться,

Еще не вовсе я здоров...
(Я., 182)

Куда так проворно, жидовка
младая?

Час утра, *ты знаешь*, далек...
(Л., I, 271)

Вводно-обобщительное слово *бывало* связано, как правило, с темой воспоминания:

Бывало, отрок, звонким кликом
Лесное эхо я будил...

Как звуки, звукам отвечая,
Бывало, нежили меня! (Б., 158)

По мнению Г. О. Винокура, «сближая в тексте слова, давно утраченные ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным образом: то шут-

кой, то глубоким раздумьем»³⁰. Пример такого «оживления» внутренней формы вводно-модального слова – в одном из стихотворений Н. Языкова:

Простите вашего поэта,
Я, право, прав, а виноват,
Что разболтался невпопад
(Я., 163)

Играющие важную роль в структуре поэтического сообщения, вводные единицы занимают, как правило, «сильные» позиции поэтической строки – ее начало или конец. Локализация в самой выделенной, подчеркнутой позиции заглавия для субъективно-модальных синтагм не характерна (персуазивно-оценочная функция обычно не сочетается с функцией репрезентации текста во внешнем мире).

Заключение

Итак, функции вводных конструкций в поэтической речи, благодаря богатству передаваемых значений и широким стилистическим возможностям, необычайно разнообразны. Художественному тексту вообще свойственна особо сложная модальная характеристика, что объясняется, с одной

³⁰ Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 30.

стороны, «взаимодействием авторской речи и речи персонажей, и с другой – тем фактом, что при создании воображаемого мира писатель не может быть безразличным к нему. Здесь все формы отражения действительности проходят через фильтр авторского замысла, и автор всегда прямо или косвенно выражает свое отношение к изображаемому»³¹.

Библиография

1. Аникин А.И. Вставные конструкции как компонент предложения // Учен. зап. МОПИ. Т. 197. – М., 1967. – С. 247-258.
 2. Биренбаум Я.Г. Пространство вводности и придаточные предложения: Пособие по спецкурсу. – Челябинск, 1976. – 117 с.
 3. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка: В 2 т. Т. 1. 4-е изд., испр. и доп. – Киев: Рад. шк., 1952. – 447 с.
 4. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие. 3-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
 5. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // О языке художественной
- ³¹ Пospelов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений А. С. Пушкина. – М., 1960. – С. 109.

- литературы: Учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 24-32.
6. Галкина-Федорук Е.М. Обращение как семантико-стилистическое средство выразительности в стихах С. Есенина // Проблемы современной филологии: Сб. ст. – М., 1965. – С. 551.
 7. Гинзбург Л. О лирике. 2-е изд., доп. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
 8. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1827. – 587 с.
 9. Зубова Л.В. Реставрация древних грамматических свойств и отношений в поэзии постмодернизма // Историческая стилистика русского языка: Сб. науч. тр. – Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. – С. 126.
 10. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. – М., 1969. – 262 с.
 11. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
 12. Каримова Р.А. Вводные слова и вводные сочетания слов в русском литературном языке второй половины XVIII – начала XIX в. // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 125. – Казань, 1965. – С. 69-181.
 13. Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Путешествие. Дневник. Статьи. – Л.: Наука, 1979. – С. 3-16.
 14. Куликова В.П. Конструкции с краткими страдательными причастиями в русском литературном языке первой половины XIX в. // Лексико-грамматические исследования по русскому языку: Межвуз. темат. сб. – Калинин: КГУ, 1977. – С. 123-133.
 15. Мецлер А.А. Структурные связи в тексте: (Парантезные конструкции). – Кишинев, 1987. – 141 с.
 16. Мизин О.А. О грамматической природе обращения (некоторые вопросы синтагматики и прагматики) // Филологический сборник. Вып. 2. – Алма-Ата, 1973. – С. 163-170.
 17. Пospelов Н.С. Синтаксический строй стихотворных произведений А. С. Пушкина. – М., 1960. – 249 с.
 18. Припадчев А.А. Особенности употребления глагольных форм в простых, осложненных и сложных предложениях // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1981. – С. 86-178.
 19. Савина В.М. К вопросу об употреблении видов деепричастия и глагола в осложненных предложениях // Вопросы высшей педагогической школы: Сб. ст. – Улан-Удэ, 1973. – С. 206.
 20. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против». – М., 1975. – С. 193-230.

Parenthetical constructions in lyrical text

Patroeva Natal'ya Viktorovna

Full Doctor of Philology, professor,
head of the Russian language department ,
Petrozavodsk State University,
P.O. Box 185910, Lenina ave., No. 33, Petrozavodsk, Karelia, Russia;
e-mail: nvpatr@list.ru

Abstract

The syntactic category of parenthetics is a result of a long language development, which demonstrates "a clear tendency of modal pragmatic complexity of the language sign, such as saying, a tendency to enrich the semantic-pragmatic information in its contents".

Parenthetic collocations during the multiple use in various functional areas of the literary language gradually turned into syntagmas reproducible in ready-made clichés, stable in the sense of composition.

Grammatical characteristics of words undergoing modalation indicates the main way of parenthetic components forming – from the main parts of the complex sentences with the complement clause, which carries the main message.

Thanks to the abundance of conveyed meanings and a broad stylistic features the functions of parenthetical constructions in poetry are extremely diverse. Artistic text generally characterized by particularly complex modal characteristics, which can be explained, on the one hand, by the reaction of the author's speech and the speech of the characters, and on the other – the fact that the writer cannot be indifferent to the imaginary world he creates. Herein all forms of reality reflection are passed through the author's intention, and the author is always directly or indirectly expresses his attitude to the subject.

Keywords

Parenthetical constructions, subjective modality, poetic language, syntax and grammar of poetic text.

References

1. Anikin, A.I. (1967), "Parenthetical constructions as a component of the sentence", *Proceedings of the Moscow Regional Pedagogical Institute. Vol. 197* ["Vstavnye konstruktsii kak komponent predlozheniya", *Uchen. zap. MOPI. T. 197*], Moscow, pp. 247-258.
2. Birenbaum, Ya.G. (1976), *Parenthetical space and subordinate clauses: textbook for special course of study* [*Prostranstvo vvodnosti i pridatochnye predlozheniya: Posobie po spetskursu*], Chelyabinsk, 117 p.
3. Bulakhovskii, L.A. (1952), *Course of Russian literary language. In 2 vols. Vol. 1. 4th ed. Revised and enlarged* [*Kurs russkogo literaturnogo yazyka: V 2 t. T. 1. 4-e izd., ispr. i dop.*], Rad. shk., Kiev, 447 p.
4. Efimov, A.I. (1969), *Stylistics of the Russian language* [*Stilistika russkogo yazyka*], Moscow, 262 p.
5. Galkina-Fedoruk, E.M. (1965), "Vocative as a semantic – stylistic means of expressiveness in the poems of S. Esenin", *Problems of modern philology: collection of articles* ["Obrashchenie kak semantiko-stilisticheskoe sredstvo vyrazitel'nosti v stikhakh S. Esenina", *Problemy sovremennoi filologii: Sb. st.*], Moscow, p. 551.
6. Ginzburg, L. (1974), *On the lyrics. 2nd ed., revised and enlarged* [*O lirike. 2-e izd., dop.*], Sov. pisatel', Leningrad, 408 p.
7. Grech, N.I. (1827), *Practical Russian Grammar* [*Prakticheskaya russkaya grammatika*], St. Petersburg, 587 p.
8. Itskovich, V.A. (1982), *Essays on syntactic norms* [*Ocherki sintaksicheskoi normy*], Nauka, Moscow, 199 p.
9. Karimova, R.A. (1965), "Parenthetical words and word combinations in Russian literary language of the second half of the 18th – beginning of the 19th centuries", *Proceedings of the Kazan State University. Vol. 125* ["Vvodnye slova i vvodnye sochetaniya slov v russkom literaturnom yazyke vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX v.", *Uchen. zap. Kazanskogo gos. un-ta. T. 125*], Kazan, pp. 69-181.
10. Kulikova, V.P. (1977), "Constructions with short forms of passive participles in literary Russian of the first half of the 19th century", *Lexical and grammatical studies of the Russian language: Thematical interacademic collection of works* ["Konstruktsii s kratkimi stradatel'nymi prichastiyami v russkom literaturnom yazyke pervoi

- poloviny XIX v.", *Leksiko-grammaticheskie issledovaniya po russkomu yazyku: Mezhvuz. temat. sb.*], KGU, Kalinin, pp. 123-133.
11. Kyukhel'beker, V.K. (1979), "On the direction of our poetry, particularly lyrical, in the last decade", *Travel. Diary. Articles* ["O napravlenii nashei poezii, osobenno liricheskoi, v poslednee desyatiletie", *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i*], Nauka, Leningrad, pp. 3-16.
 12. Metsler, A.A. (1987), *Structural links in the text: (Parenthetical constructions)* [*Strukturnye svyazi v tekste: (Paranteznye konstruktzii)*], Kishinev, 141 p.
 13. Mizin, O.A. (1973), "On the grammatical nature of the vocative (some issues of syntagmatics and pragmatics)", *Philological collection of works. Issue 2* ["O grammaticheskoi prirode obrashcheniya (nekotorye voprosy sintagmatiki i pragmatiki)", *Filologicheskii sbornik. Vyp. 2*], Alma-Ata, pp. 163-170.
 14. Pospelov, N.S. (1960), *Syntactic structure of poetic works of A.S. Pushkin* [*Sintaksicheskii stroi stikhotvornykh proizvedenii A. S. Pushkina*], Moscow, 249 p.
 15. Pripadchev, A.A. (1981), "Specific use of verbal forms in simple, expanded and complex sentences", *Materials on Russian-Slavic linguistics* ["Osobennosti upotrebleniya glagol'nykh form v prostykh, oslozhnennykh i slozhnykh predlozheniyakh", *Materialy po rusko-slavyanskomu yazykoznaniyu*], Voronezh, pp. 86-178.
 16. Savina, V.M. (1973), "On the use of adverbial participles and verbs in expanded sentences", *Issues of higher philological school. Collection of works* ["K voprosu ob upotreblenii vidov deeprichastiya i glagola v oslozhnennykh predlozheniyakh", *Voprosy vysshei pedagogicheskoi shkoly: Sb. st.*], Ulan-Ude, p. 206.
 17. Vinogradov, V.V. (1986), *Russian language: (Grammatical concept of the word): study guide. 3rd ed. Revised* [*Russkii yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove): Ucheb. posobie. 3-e izd., ispr.*], Vyssh. shk., Moscow, 640 p.
 18. Vinokur, G.O. (1991), "The concept of poetical language", *On the language of fiction: study guide* ["Ponyatie poeticheskogo yazyka", *O yazyke khudozhestvennoi literatury: Ucheb. posobie*], Vyssh. shk., Moscow, pp. 24-32.
 19. Jakobson, R. (1975), "Linguistics and poetics", *Structuralism: Pro et contra* ["Lingvistika i poetika", *Strukturalizm: "Za" i "protiv"*], Moscow, pp. 193-230.
 20. Zubova, L.V. (1998), "Restoration of ancient grammatical properties and relationships in the poetry of post-modernism", *Historical stylistics of the Russian language* ["Restavratsiya drevnykh grammaticeskikh svoistv i otnoshenii v poezii postmodernizma", *Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka: Sb. nauch. tr.*], PetrGU, Petrozavodsk, p. 126.